

Дмитрий Ивашинцов

Цветы одинокчества

Санкт-Петербург
2019

РОСТОК

Дмитрий Ивашинцов

Цветы одинокчества

Санкт-Петербург
Издательство «Росток»
2019

Дмитрий Ивашинцов
Цветы одиночества
Поэтический сборник

Составитель Т. Ковалькова
Фотопортреты Д. Ивашинцова 1989 года работы М. Ивашинцовой

Санкт-Петербург: Росток, 2019. — 136 с., ил.

УДК 821.161.1Р
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
И24

В сборник избранной лирики петербургского поэта Дмитрия Ивашинцова (1944 г. р.) вошли стихотворения, созданные более чем за полувековой период. В советское время творчество Д. Ивашинцова, как и творчество многих поэтов-семидесятников, не вписавшихся в официальную литературу, оставалось неизвестным широкому кругу читателей. Идеологически ангажированные литературоведы не пропускали в печать стихи «чуждой» поэтики. И только теперь ценители поэтического слова имеют возможность открывать для себя новые имена «Бронзового века» русской поэзии. Стихи Дмитрия Ивашинцова удивляют красотой и искренностью. В оформлении книги использованы работы фотохудожника Марии Ивашинцовой, ученицы Бориса Смелова, двоюродной сестры Дмитрия Ивашинцова.

© Д. А. Ивашинцов, текст, 2019

© Т. И. Ковалькова, составление, предисловие, 2019

© Д. Д. Ивашинцов, обложка, 2019

© М. Ивашинцова и наследники, фотографии

© Издательство «Росток», 2019

ISBN 978-5-94668-292-3

Предисловие

Творчество, обращённое в будущее, — множество раз в истории культуры случалось такое. Современники знали Фёдора Тютчева как дипломата и политика, Уильяма Блейка как гравера и престранного человека. Автора этой книги — Дмитрия Ивашинцова — мы знаем как учёного, мецената, общественного деятеля. Дворянское происхождение и воспитание в позднесоветское время не играло никакой роли. Всё было как у всех: дворовое послевоенное детство; институт; академическая карьера, прерванная необходимостью зарабатывать на семью. Лишь странная удачливость человека, не склонного к конформизму и прагматике, в обстоятельствах, не предполагающих для карьеры иного, стала выдавать в нём человека не вполне обычного и вполне несоветского. Множество умений, непонятно откуда взявшихся, выдвигало его на первые роли: директора Института, руководителя международной ассоциации, мецената, умеющего распознавать подлинное. У него всё и всегда получалось. Мало кто задумывался — почему?

Внутренняя собранность и организованность — от отца, которого дети не видели даже дома в рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей, от него же генетически закреплённое чувство служения отечеству (в роду Ивашинцовых множество военных в генеральском чине). От мамы, которая

была «из простых» («крестьянско-поповского происхождения», как писали в анкетах), – щемящее чувство родной земли. От себя – темперамент и чувство прекрасного! Мятёжная юность, проведённая в артистической среде (благодаря школьному другу Сандрику Товстоногову), не возобладала в биографии, а была побеждена исполнением своего долга перед семьёй и отечеством (как бы пафосно это не звучало). По внешней канве дионисийский хаос желаний вытесняется аполлонической стройностью чести, долга и ответственности. Но так ли это на самом деле?

Страницы сборника стихов «Цветы одиночества» Дмитрия Ивашинцова приоткрывают тайну сокровенного человека, жизнь сердца которого была справедливо скрыта от посторонних глаз. Это не «писание в стол» со скаредным вожделением скупца увидеть свою мировую славу хотя бы в мечтах, как нередко бывает. Но реализация внутренней потребности словесной передачи всего мысленного и чувственного, чего бы это ни стоило. А стоит это всегда немало труда. Литературный путь Дмитрия Ивашинцова такой же, как у большинства поэтов его поколения. Первое предъявление написанного в литобъединении, в частности у Василия Бетаки, дальше – поиски авторитетной критики (у Ивашинцова это Ефим Эткинд), далее – годы одиночества и редких счастливых моментов понимания в узком кругу друзей и единомышленников. Официальные литературные журналы в публикациях отказывали, например, с таким комментарием: «...непонятно, чем живёт автор, что делает, какие вопросы, кроме вечных, его тревожат?» В литературную среду «второй культуры», которая несомненно была близка ему по духу, также не удалось влиться – вероятно, по двум причинам. Биографически сложилось так, что счастливое время первой молодости прошло в театральной среде и первое пересечение с поэтами самиздата произошло

тогда, когда усилиями КГБ эта среда уже расслоилась и, как писал Олег Охупкин:

*И пошли по домам поэты.
Те, кто Бога встречали – с миром,
А купцы разбрелись по свету
Золотому служить кумиру.*
«Бронзовый век», 1975

Это был 1985 год, когда Союзом советских писателей был выпущен альманах «Круг», открывающий серию, предусмотрительно названную «мастерская», где планировалось печатать не близких по поэтике советской литературе «молодых авторов» (которым всем было за тридцать и которые имели пять и более написанных книг) из «Клуба-81». Клуб, как известно, был спроектирован органами госбезопасности, после того как авторов самиздата стали печатать в русскоязычных изданиях Европы и Америки. «Круг» обнаружил послабление цензуры и дал возможность легализоваться в официальном литературном пространстве тем, кто принимал, без потери для своей поэтики, предложенные правила игры. Вот к этим «круговцам» и попал со своими простодушными по сути, но сложносоставленными по форме стихами Дмитрий Ивашинцов. Заседание вёл Сергей Стратановский. Через две недели был вынесен вердикт: не нашего уровня. По сути, это вердикт «советской элиты», с 1930-х годов планомерно и хитроумно внедряющейся в систему госфинансирования писательских организаций. Искренности здесь избегали, как бациллы. Искренно и бескорыстно живущих поэзией авторов распознавали, что называется, в лицо и старались держать на недосягаемом для структур расстоянии.

Конечно, были и те, кто «Бога встречали...», но дружбы с ними у Дмитрия Ивашинцова тоже не сложилось, ибо Бог для него являлся лишь субъектом метафизической реальности. А было это в то самое время (с середины 1960-х до середины 1980-х), когда в России осуществилось новое религиозное возрождение, давшее значительные плоды в поэзии и философии.

Есть и ещё одна особенность у Дмитрия Ивашинцова, благодаря которой он продолжал оставаться отшельником. Он не любил читать свои стихи публично по причине того, что они – свидетели всего сокровенного, слишком личного: «Когда читаю, начинаю переживать произносимое. Перехватывает горло. Роль поэта, в отличие от других социальных ролей, совершенно лишена для меня защитной оболочки»¹. Интересно, что ипостась поэта воспринимается им как одна из социальных ролей и лишена, таким образом, орфической исступлённости и самопожертвования. Однако при этом тема Орфея, Орфея и Эвридики – одна из основных в творчестве Ивашинцова: «Миф об Орфее проецирован для меня не во внешний, а во внутренний мир. Мне представлялось, что Эвридика – это моя нетленная душа, стремящаяся к любви, свету, музыке. Орфей же – моё подсознание, с его тёмными страстями и фантазиями, желаньем отдаться во власть дионисийского безумия. Он любит Эвридику, но тяготится её чистотой. Она, как полуночная звезда, пробуждающая в поэте песенное начало. Но она же и пронзительный взгляд совести, от которого хочется освободиться. Поэтому Орфей оглядывается, страдая и предавая свою Эвридику»². В эту книгу включены

¹ Из интервью Борису Аверину. «Там, где кончается завтра». СПб., 2005. С. 237.

² Из интервью Татьяне Ковальковой для портала РК от 8 июля 2019.

лишь фрагменты из орфических циклов для сохранения целостности жанра «избранного».

Тексты сборника охватывают период почти в шестьдесят лет. При этом читатель может наблюдать ровное поэтическое дыхание, не зависящее от времени и возраста автора. Энергетическое наполнение их также неизменно. Это как раз свидетельствует о той мотивации к творчеству, которую не обнаружили в своё время в стихах Ивашинцова советские редакторы толстых журналов.

Избранное в данном случае означает не только лучшее, но более – характерное (можно и с ударением на второй слог тоже). При всей необузданности языка (то нежный, песенный, то коряво-кряжистый, то сомнамбулически путанный), отражающей разорванность сознания, он вырабатывает нечто цельное, обоснованное некими законами, то, что принято называть «поэтической речью». Эта цельность рождается сверхсознательным путём, помимо воли автора, и свидетельствует о личности живой, духовно ориентированной.

Сегодня, в эпоху кислотного индивидуализма, доморощенной субстанциональности и скаредной расчётливости бесщётных писателей, наводнивших своим продуктом виртуальное культурное пространство, встретить искреннего автора – большая удача. Феномен поэзии Дмитрия Ивашинцова реален, и потому духовен. Это звучало бы оксюмороном ещё лет тридцать назад. Однако реальность наших дней примиряет натурфилософию и визионерство перед новой угрозой сверхреальности, или онтологической пустоты, и взывает к новой искренности.

*Любовь прикасается к нам,
ослеплённым надеждой. И яркие
краски не могут быть ярче отныне.
Любовь – это то, что на цыпочках входит*

*к нам в сердце. И сердце не слышит
ни звука в неистовом мире.*

*Пусть время пройдёт. Нас настигнет
седая усталость. В том мире, который
так рано придётся покинуть,
любовь – как свеча, только тень
от надежды осталась. И яркие краски
не могут быть ярче отныне.*

Ностальгия по гармонии. Это не только название одного из «страшноватых», по определению Ефима Эткинда, циклов Дмитрия Ивашинцова, но и ключ к пониманию его творчества в целом.

«Исчезнули при свете просвещения / Поэзии ребяческие сны...» – писал Боратынский. Как давно идёт этот бой за возвращение к гармонии! «За последние сто лет и больше поэты делятся на таких, которые в каждом творческом акте расстаются как бы с частью собственной души, заменяют творчество чем-то вроде рождения, и таких, что умеют обходиться без муки и крови, но чьи стихи последнего просветления не знают и влекут на себе тяжесть мёртвых слов: Бодлеру противостоит Гюго, Китсу – Теннисон; примеров сколько угодно в любой литературе», – писал Владимир Вейдле ещё в 1937 году³. Процесс этот развивается по нарастающей. Возможно, новая искренность – один из путей, уводящих от пропасти полного развоплощения мира и Слова.

Татьяна Ковалькова

³ Вейдле В. В. Умирание искусства. СПб., 1996. С. 64.

* * * *

цветы одиночества

так ли и мне

как вы

островками холодного света

растаять в конце уходящего лета

растаять и всё...

словно отблеск луны.

сквозь пальцы раздумий

текут лепестки

уже переполнена чаша молчанья

и тёплое слово

трепещет в гортани

как трель соловья на вершине весны.

вернувшимся эхом

проходят года

и памяти гладь расцветает кругами

как высохло русло...

где лилась вода,

песок и осока

осока и камни.

1975

* * * * *

Белый конь

как церковный звон,
колоколен незрячих сон
...белый конь.

Белый ветер в ветвях берёз,
моих грёз белогривый конь
по лугам проскакал на заре
белый всадник на белом коне.

Белый конь проскакал на заре,
и восток за рекой заалел,
и копьё отразилось в воде.

1961

* * * *

Я фиалки последние
собираю с трудом,
и целую их бережно
исковерканным ртом.

Облетают таинственно
у меня на столе,
и стоят обезлиственно
как сады в декабре.

Что же жалко их выкинуть
будто вновь зацветут,
и вернут мне утерянный
но желанный уют.

А за окнами ёжится
замерзая, луна,
в замок ночи заброшена
волей злой колдуна.

Я ж песчинки словесные
собираю с трудом,
и целую их бережно
исковерканным ртом.

1965

* * * *

Любимая!..
Мая губами ветер шептал о встрече,
в руках аллей неся весть о лете
и о тебе.

Статуи Летнего
накинули вечер на плечи,
а солнце —
хмельной гондольер
уплыло каналом зори.

Любимая!
Я повторял эти звуки
...казалось...
метель,
фонари,
Москва...

и руки,
маленькие нежные фиалки
их лепестки целовал
я!

... Я сквозь обожжённое горло цежу
бальзам
слова,
которого буква каждая —
вечность!

Слова,
которое я никому не сказал.

И не скажу.

Не скажу.

... Обещаю тебе.

1966

* * * *

Я ждал на ветру,

я ждал...

А косы дождю июль заплетал.

Я ждал на ветру,

я ждал.

Дождя серебристый плащ

Мелькнув за углом, пропал.

Оборванец моей души,

Покури со мной на ветру.

Ты за нею опять спешишь,

Труба поёт – тру-ру-ру...

Не спеши,

красивее жить

ожиданием стука в дверь,

Ожиданием зова трубы,

но не той, что поёт теперь.

Тру-ру-ру, тру-ру-ру, тру-ру-ру...

Мы с тобою покурим тут.

Пусть поёт труба на ветру

Золотое своё тру-ру-ру.

Оборванец,

улыбку нашу,

Словно парус подставим ветру,

Пусть её солёную чашу

Растворит весенним дождём.

Оборванец,

меня не слушай ты...

Промечтать так страшно её.
Вон сквозь слёзы
 зари черешня
Занялась цветенья огнём.

1966

* * * *

Монотонный шум дождя,
жёлтых листьев монотонность
сквозь опущенные веки
навевают волю сна.

Сквозь опущенные веки
входит сумрак и ненастье,
водят, водят хороводы
под сырой напев дождя.

Водят, водят хороводы
вдоль нахохлившихся окон
вдоль рассевшихся уныло
на насесте тишины.

Вдоль рассевшихся уныло
дум моих, моих мечтаний
монотонный шум дождя
за руку меня проводит,
монотонный шум дождя.

1967

* * * *

старый дом.
ставни в нём.
стонут ночью,
стонут днём.

мы возьмём
да на слом.

а пока он нас чарует
тихой прелестью резьбы.
а пока качает липа
лапы тихо
лапы лихо
лихо тихо... ш ш ш ш ш ы.
и сидят ярки как дятлы
на скамеечке в тиши
припотешные ребята
 дятлы-дети
 дети-дятлы
 домовые просто
 ...ш ш ш ы!

самый старый стонет тихо
так что кажется, что липа
лапой чешется в тиши,
— да, ребята, в нашу старость
от людишек нам досталось...

старый дом
так на слом!
ну а если я столетний,
если старше ели этой,
надо ж старость уважать,
средний мрачен,
младший скучен.

– шепчут
– сами их проучим,
так проучим,
так
проучим...

ш ш ш ш ш ы!

1967

* * * *

Всё кресты у дорог,
всё тюрьмы,
всё расстрелянных тени бродят.
У России мы дети, дети...
 все сироты...
 все люди.

А какие берёзы в рощах,
как их листья под ветром ропщут.
Непокорные осени холоду
нарядились с печали в золото.

Так и русские голубоглазы
словно небо сквозь прутья тюрем.
Непокорные осени, казням...
путь последний – престольный праздник.

И душа у них словно белое
то белье последнее смертное,
как последний поклон земле своей,
как последнее слово – Верую!

Сквозь века,
сквозь плети татар...
сквозь приклады охранки и органов
свою веру несли россияне
свою веру святую гордую.

Пусть святая была лишь фикцией,
лишь девицей вульгарной с фиксою,
но душа у них – небо светлое,
как последний поклон земле своей.

1967

* * * *

Такой смешной осенний день.
Весь в пятнах яркого желтка,
в слезах,
в промокших сапогах стволов
пришёл и сел.

Такой смешной,
пришёл и сел,
и сразу солнце заиграло...
Весь в листьях жёлтых и грачах.

Такой смешной
в очках и в шляпе,
в плаще забывшем про уют.
Запахло мятой,
рожью,
щами...
Пахнуло мокрыми полями,
плеснуло тёплыми дождями
счастливых
солнечных минут.

1968

* * * *

Сидит сгорбленный человек.

Серая спина.

На ладони его – весна!

Сна перелески плескаются в вереске,
осина на синем ветре –
мокрым перепелом.

Перелом настроения...

С треском о песок

ломает зубы

река у осок,

где берег из омута выплыл и лёг

на... бок.

Сидит сердит.

Себя бередит!

Сосняк дыбом встал.

Пьяная Фёкла – весна

сорвала передник стай,

пляшет...

Красные щёки пашен раздувая, поёт: МАЙ!

... МАЙ!!!

Ломай обмана белого логово.

Чучело ликует, чуть просохло,

чует летних грядок уют.

... Все поют.

1968

* * * *

Жизни-смерти череда
с черепиц бежит вода,
мимо мимо пролетает
из когда-то в никуда.

Мимо губ моих и глаз,
мимо солнца в пыльных окнах
на которых грязь засохла
льётся звонкая вода.

Мимо мимо наших рук,
словно музыка и счастье,
словно волосы твои
льются звонкие ручьи.

Не следи. Полёт – мгновенье,
дальше песнь соединенья.
Жизни-смерти череда
с черепиц звенит вода

1969

Цикл: Осень хочет вина

* * *

зайди в подворотню...
ты знаешь, как холодно нищим,
когда на ветру деревья осенние гнутся.
сегодня в душе моей осень.
акафист звенящей сияющей бронзы.
как арфа я ласков
о если бы сбросить
все листья
и ветви нагие подставить
под ливни мелодий.
о если бы сбросить как шоры
условностей ворох.
как шорох безжизненных листьев
и с шапкой по миру.
сегодня в душе моей осень,
и голые ломкие ветви
как руки протянуты к людям.

* * *

— открой глаза и посмотри на мир
— а можно это сделать без указки?!
— не стоит,

ты как дети любишь сказки
и так же ненормален как они.
 — открыл глаза,
 но вижу пустоту,
 зелёные круги, огни и точки...
— пока ты в ощущениях не точен
не рассуждай,
а пристальней смотри.
 — сплетаются,
 сквозь исповедь зеркал
 отдельные мелодии, вселенной
 и взгляд не оторвать от жизни тленной
 и кругозор мой до безумья мал.
— опять своё!
 — потворствуя тебе
 и так уж плотью облакаю тени
 и так твоим нелепым сновидениям
 реальное обличие дарю.
— не говори!
я вижу, ты неправ.
её глаза
не цветочные пятна.
и в доме у неё всегда опрятно...
и я
 одну её всегда искал.

* * *

посвящается Робке

по сырým переулкам
как белые мыши что мы ищем!
лабиринт не разгадан
сколько свечку не жги
сколько счастья не жди
— жгите ладан.

вот увидел и вновь разбиваешься в кровь
о стекло отчужденья,
мимо счастья скользя
оглянуться нельзя
...в миг скольженья.

олимпийский бобслей!
каждый в люльке своей мчится — быстро.
только шорох вокруг только жёлоб блестит
... серебристо.

* * *

листья последние замерзают
на ветру холодном,
ножницы садовников не срезают
цветы на грядках.
дожди закинув за спину туч котомки
ушли на запад.

на запад, где запах
ноябрьского моря
горек
на запад, где в залах античные статуи спорят...
и я бы ушёл,
но навеки душою прикован к чугунным оградкам,
столетий минувших оковам.

к холодному утру за окнами
тянется робкое сердце
и как откровенья от неба
ждёт первого снега.

* * *

страшных снов я не вижу,
по улицам поздно не шляюсь,
и тоске своей шерсть расчесав
отучил её выть на луну.
вечерами с женой
наболтавшись за чашечкой чая
тихо, мирно и чинно
отхожу к беспробудному сну.
сон ли...
жизнь...
всё одно.
иногда только проблеск сознания.
лишь мечты мне остались,
и те начинают тускнеть.

позолота сошла,
обнажилась зелёная медь.
даже блоковских строк
я теперь никогда не читаю.

* * *

я с последним дождём пропаду
словно тень,
словно отблеск любви.
и холодным лицом припаду
к глади рек...

оставляя круги.
оставляя круги на воде
оставляя круги под глазами
мы бы музыкой счастье назвали
но его не найти нам нигде.

* * *

когда молитвой или ложью
я оскверню твои черты
нам не поможет,
не поможет
скользящий полог немоты,
он отодвинется, и станут
видны орнаменты судьбы

как на рисунке детском нами
штрихи судеб нанесены,
в переплетенье этих линий
нашли конец любви слова
и в лабиринте дней безликих
мы сами теплимся едва.
так монотонны,
 монотонны
 глухие отзвуки шагов
как эти серые колонны
в сетях стремительных оков.

* * *

что можно сказать когда как прилив
выбрасывает нас на берег любви....

МЭМФИС-БЛЮЗ

ласковый берег любви
такой простой и доступный
стоит только протянуть руку
взять тебя за плечи...

 всё просто

 очень просто,

 когда звучит МЭМФИС-БЛЮЗ.

* * *

осеннего солнца птица
на ветви нахохлясь садится
а Вы на веранде укрытой пламенем листьев
в качалке грустите.

гарцует в аллеях ветер
вот тоже эстет!
закат фиолетовым сделал
притворно захохотав.

возьмите бокал!
хрусталь
запотел
как бока скакуна
бросьте бокал в окно
осень хочет вина.

1972

* * * *

я шепчу твоё имя
мне страшно и больно от звуков
в них разлука с тобою
сплела роковое кольцо
и терновый венец
называемый в шутку любовью
как когтями морщинами
впился до крови в лицо.
боль пройдёт

боль пройдёт!

что ж останется в сердце живого
ветер пепел развеет
и время поникнет устало...
я шепчу твоё имя
иссохшими в муке устами
боль пройдёт

боль пройдёт

и любить я тебя перестану.

1972

* * * *

я — опадающий лист твой
мать-природа
я — плакальщица лицо
у входа в храм твой Отчизна
болит душа болит плачет стенает
чёрные птицы летят сквозь неё
чёрные звери бегут сквозь неё
чёрный песок засыпает её
о моя душа
 родник любви и света
какою болью наполнили тебя
 какою скорбью
светлая музыка отзвучала под этими сводами
топот копыт
 топот копыт
безмерность убивает
 ... страшно
страшно мне мать-природа
 страшно мне
 страшно.

1974

* * * * *

время
ах ты — хромая старуха!
всё бы тебе вспоминать
как раньше жилось
нынче и дети не верят
твоим стенаньям
стёрлись, стёрлись зубы и звуки
всё в карканье злое слилось.

кто ты?
праздный вопрос
ведь нет на него ответа
сами мы много ль узнали
о себе
о судьбе
мальчик бежит по заре
время надело траур
раны открытой ярче
знамя висит на столбе.

1974

* * * *

прошу прощенья
я не виноват
меня смутила тишина и темень
и я совсем забыл
что мой звериный нрав
в большом несоответствии
со временем
да Вы не нимфа
ну и я не фавн
но как хотелось Вас обескуражить
и по лесу
все ветви обломав
нести целую терпкую поклажу.
и Ваши волосы
и руки
и глаза
лишь гвозди страсти
тень распятыя близко
а убежать?!

но я уже нанизан
и в сердце воткнута безжалостно игла.

1974

* * * *

и понял я что значит быть святой
что значит нас на муки и бесчестье
вынашивать под сердцем

Бога мать и ты
объединились
 миф о смерти
 Христа

и жизнь любого человека
 едины.

стены серые
соло трубы принесшей миру весть
о чуде рожденья
 я на коленях
видишь
из молитв тебе я сплёл венок
 я верю в каждом —
 Бог

поруганный
 убитый
 воскресает
когда любовь своё нам шепчет имя
когда мы остаёмся с тишиной
с больничной койкой
 с казематом
 с самим собой.

1975

* * * *

ах!

В этих палатах
только плакать

окна

окна

иконы света

молиться жизни новой

где

в белых рубашках страданье само

о! белые латы

белые руки и лица

молиться

молиться

как пятна глаза страданья

там птицы щебет

там любовь

но всё нам чуждо

только шорох

шагов

по каменному полу

и белые халаты

— белых крыльев мельканье

танец тишины

любимая

мой меч бессилен здесь

он застревает в гулких переходах
– бегу к тебе
но мне не добежать
ах, эти птицы
– белые
снежинки
сна.

1975

* * * *

Пойте им тихо.
Этим влюблённым, забившимся в угол.
Тихо у стойки хрипите надрывные речи.

Пойте им тихо.
С изяществом вымерших пугал
голый амур примостился к влюблённым на плечи.

В зале накурено.
Грязные пахнут стаканы.
Голые плечи из платьев торчат как тюльпаны.

Всё безнаказанно.

Только... пойте им тихо.
Этим глупышкам
с сусальной лубочной картинки.

1976

* * * *

Когда сквозь пустоту пробился первый звук,
и от души к душе нашёл язык дорогу,
мир немоту свою принёс как жертву Богу,
словами обогрив младенчества зарю.

Да! Вырвавшись из пут, мы обрели свободу,
но воздух опьянил расправленную грудь.
И мечутся слова безумным хороводом
среди гулких стен судьбы не различая путь.

А я хочу молчать, как белый камень храмов,
как поле, как река в кайме зелёных трав...
Я так хочу молчать, чтоб лишь к груди припав,
биенье чувств и строк вы сердцем ощущали.

1976

* * * *

Движение пальцев,
линий ритм

переплелись.

Портрет скосил зрачок
внимательно и зорко
он смотрит на меня...
Он смотрит,

и, порой,

мне кажется, что он,
Да! — он прообраз мой.

А я,

я сыр и вял

и не похож нисколько.

Ему ль стоять во тьме
на полке в мастерской,
и молча и мертво
там ждать счастливый случай...

И слушать шум шагов,
и нервной щекой
подёргивать, ища
ритмических созвучий.

1976

Цикл: На графику Малевича

* * *

Окно!
 Куда...
и просто НИ-ЧЕ-ГО
и мысль:
 назначено судьбой
 не знать где Бог
 где кто...
И пробужденье
 на чужой постели
в прокуренном пропахшем водкой рае
И философия —
 зияющая рана:
Что там за краем ?
 Что во тьме углов...

* * *

О если б солнце почернело
как это чёрное пятно на белом
так несимметрично расположенное

Так не симметрично лицо моё
и сердце
 и любовь моя
как этот круг на белой простыне.
То барабан созвучий слов и слёз
Луна слепых
 и пьяный саксофон,
 кричащий в ночь о том,
что этот шар раздавленный – сама любовь!!!

* * *

Так трещины рождаются и бегут.
Так слов стада вытаптывают пашню,
как и упрёк – о прошлом,
о вчерашнем,
о лучшем дне.

Так трещины рождаются.
Сквозь глазет,
сквозь рваную кичливую обивку
мелькает гроб...
и крик, что смерти нет!
Заглох.

Так трещины,
ещё не рождены,
ещё гранит квадратен и беззвучен,

нашепчут нам,
что он — песок сыпучий.
Так трещины родятся и бегут...

* * *

Пластичен дождь,
как юноша в трико.
Гимнаст..
на цыпочках уходит
вдаль.
Кому-то суждено в его лицо
смотреть.
... Не нам.
Нам видно, как качается
канат.

* * *

Прости меня, прости... Среди осенних ливней
кристальной тишины дотронулась душа,
и облик твой угас, чарующий и лживый,
как флейты тихий звук, когда взошла луна.

Средь образов и слов скользя походкой нервной,
нелепостью стихов ничуть не пленена,
ты только чайки сон — томительный и древний,
ты только флейты звук из мёртвого окна.

* * *

Остановись и оглянись назад.
Прощальный взгляд тебя не затруднит.
В аллеях тихо призраки стоят
твоей печали и моей любви.
Я ни молиться не могу, ни плакать,
чужой корабль мои уносит сны,
и осени дворовая собака
по берегу мечты бежит за ним.

Остановись, опомнись на мгновенье,
и, может быть, заметишь ты тогда,
как вечности скатилась на колени
судьбы моей вечерняя звезда.

* * *

Ты боялся к цветам прикоснуться,
ты жаждал любви...
О, осенние листья в саду фонарей одичалых.
Но любовь — не бордель одиноких,
и женщины мимо брели
той дорогой, которой неведомо миру начало.

В этом мире, нагие, как флейты, стоят тополя,
губы ветра распухли от сюрреализма мелодий.

* * *

Скользи и падай, меч возмездья,
пусть насмехается порок.
Среди зеркальных отражений
горит истории лицо.
Я знаю, истина слепая
не Лира дочь,
— но ложь и тьма.
Моя душа стоит, рыдая
у чёрного её столпа.
И в платье трепетных сомнений,
сорвав последнюю печать,
любви раскаянье и мука
её касаются плеча.

1975–76

* * * *

Там за окнами дождь
разметался как в ритме
ударник.

Листья,
листья,
о чём ваши руки шуршат неустанно?

Я опутан тенями,
и скорбно
не стучите в окно мне.

Я не брошусь в сырое
ненасытное тело
бездомья.

Этот вечер,
он ключ подбирая под дверью хлопочет,
а ударник
в надрывном и тяжком зашёлся экстазе.

Кровь толчками,
но я остаюсь неподвижен
и хладен
этой ночи сырой
неподвластен!
... увы, неподвластен.

1978

* * *

Пласт за пластом, врубаясь в этот уголь
мы норму выполняем на ура.
За корм, за бабу до утра, за угол,
за то, что просто мама родила.

Я не ряжусь. Зачем мне торговаться?
Платить привык натурою за всё.
Я замечаю — деревенеют пальцы
и кровь тягучей стала, как бензол.

И что-то там, где раньше было сердце
металлом отзывается в груди.
И голова цитатами гудит,
и дверь к тебе — как в мышеловку дверца.

Кусочек лаком. Только в том беда,
что ты — муляж из полихлорвинила.
Резиной пахнет, хоть и надушила
себя. Прости меня, всё это — ерунда!!!

Я просто зол на мир и на себя
за то, что ночь такую проворонил,
и, лишь уйдя в рассветной дымке, понял,
что лгать привыкло тело не любя.

Что вместо песен пишется маразм,
что под луной в свалывшейся соломе
не я, а боров хрюкает в истоме,
поэзию сменявший на оргазм.

1985

* * *

Этой ночи узлы развязать не умея
мы искали друг друга, от страсти немея.
Наши руки томились от ласки и лени,
обнажая желанье разъятых коленей.

Так весной набухают цветочные почки,
так вода проникает в проталины почвы,
так свивают гнездо легкокрылые птицы...
Так бывает во сне, если счастье приснится.

2009

Цикл: Орфей

* * * *

Орфей ты спустился на синие травы,
ты вышел как ветер из алой оправы
ветвей, изукрашенных светом и тенью,
и осенью, дарящей пламя растеньям.

Мой милый с гитарой,
он в джазе играет,
он песни шальные цыганские знает.

Но скорбью подёрнуты лица цыган,
их табор разогнан толпой горожан.
И пляшут на сцене с цыганом еврей,
и брякает цепью тряпичный медведь.

Где арфа твоя,
сквозь какие ворота
тебя с хохотком провожала природа,
где Цербер насмешек с любовью не ладит,
а старый кентавр сквернословием гадит?

Постой!

Оглянись!

О, раскосые скулы.
О, принц мой невытый бухой и сутулый.
Как шпаги глотаешь хмельные коктейли.

О том ли нам струны с тобою звенели?
О том ли?!

Ты помнишь зелёные травы,
где месяц наполнен любовной отравой,
и золото осени там за рекой,
и листьев, испуганных, кружится рой

1979

Орфические песни

1.

руки мои
отбивают ритм зачем-то
руки мои
выбивают пыль из неба
это птицы опять прилетели
это на гору катит Сизиф свой камень
это камень летит, нагревая мокрый асфальт

2.

над миром простёрты руки
все реки полны слезами
я крест свой в тоске и муке
другому Христу оставил
над миром метель и слякоть
над миром разливы крови
и хлещут тоску ветвями
хмельные от крови клёны
над миром во мгле всплывает
душа, простёртая в крике
она как слепая птица
она как слепая птица
о Господи суждено ей
о камень любви разбиться

3.

я найду себе друга
вон сколько зеркал
сколько лиц отразилось
скорее бежим
по пустым переулкам
по улицам шатким
искажённым осеннего дня
лихорадкой
я найду себе друга
вон сколько зеркал
камнем острым свободу
их образам дам
пусть их руки в крови
сквозь бумажные стены
сквозь тени
по глазам мостовых
я с толпою бегу отражений
сквозь бумажные стены
прорывая рукой и плечом

4.

Орфей

ты плачешь
ночь спустилась как голубь на твоё плечо
печальный облик Эвридики ещё в сознание не включён
ещё ты можешь быть счастливым но горько никнет голова
твоя душа как рот зажатый не в силах вымолвить слова
я только крик убитой птицы

звени безумия струна
мне боль нужна с любовью слиться
мне боль отчаянья нужна

так пусто трепетному сердцу в тисках тупого бытия
где кровь по жилам не струится
а проползает как змея

но там в конце недели страстной
ты оглянёшься чтобы смыть
тень робкую любви прекрасной
затем что с нею трудно жить

5.

куда ведёт отчаянье куда
где наш приют ухоженный и тихий
следим с тоскою но ведёт звезда
не нас в опочивальню Эвридики
нам на торгу размахивать тряпьём
неходкого лежалого товара
а вечером на проданное пить
в сыром углу вонючего подвала
простите нас деревья и ручьи
любимых не целованные лица
украдкою в горячечной ночи
нам это всё наверное приснится
но днём в толпе ей богу не до вас
мы продаём сердца стихи и песни
и участи не ищем мы чудесней
стоять с тряпьём в протянутых руках

6.

смешной девчонкой пляшет на асфальте
луч фонаря терзаемого ветром
о жизни круг как часто самым краем
касаешься ты человеческой плоти
терзаемой сомненьями и болью
и радостью
поскольку радость кратка
остановить тебя не в силах разум
круг жизни
круг накиннутый случайно
случайно разрываемый судьбой
я не хочу плясать под дудку ветра
пусть музыка его звучит игриво
цыганки так предсказывают судьбы
следа морщины наши говорливо
простора много
будущего мало
но пятна света сном пренебрегая
вершат свой танец коль цела проводка
и светит солнце
и луна восходит
и я ласкаю волосы любимой

7.

нет не хочу ни лжи ни фатовства
мир онемел
ему не внемлет память
и мерное покачивание

какая боль
какая жалость
душа ослепшая мертва
сквозь зори

всё тот же ветер за окном
и дождь холодный смотрит в лужи
лицо рябое сводит стужа

все тот же ветер за окном
лицо рябое дождь уносит
как маску снятую с лица
вглядись
она ещё живая
но замирает остывая
так стынут мёртвые слова
увы и ты душа остыла
теперь я знаю почему / я знаю знаю почему
поэты так недолговечны / поэты так недолговечны
их вдохновение не вечно / не вечно наше торжество
ах как наркотик торжество / над словом сердцем и душою
над словом сердцем и душою / всё в прошлом в прошлом
и немое в дверях отчаянье стоит
опять опять труба звучит
но на коня вскочить нет силы
а он горячий и игривый
всё ищет ищет седока / храпит и дыбится слегка
и вот тогда наедине
с опустошённою душою
смерть избавление от боли
и неспособности писать

8.

когда последнего приюта
душа коснётся
в вышине
она от мук сиюминутных
вернётся к ясной тишине
и будет прошлого сомненья
смешон полуночный угар
и дар поэзии священный
ты примешь как счастливый дар
и робко истины приникнув
прозрачной музыки
без слов
кристалл поэзии незримый
ты будешь выплавить готов

9.

слова слепые впитывает ветер
свой серый плащ роняя на лету
остыли улицы пыльны и ноздреваты
как пепел сна окутавший луну
я прохожу вдоль запертых подъездов
сухие листья осени-надежды
шуршат и шурят ломкие глаза

разыщи меня осень на дне листопада
там где гальку несчитанных дней
от ракушек тоски ты шутя очищала
золотистой рукою своей

10.

так хочется любви
о смилуйся Спаситель
перед тобой душа поверженная ниц
пусть кукла оживёт
тебе вручаю нити
и маски и слова всех действующих лиц
но на подмостках тьма
рождённые слепцами
актёры вторят снам
нашёптанном вином
а публика бренчит в карманах медяками
и птицы синие трепещут за окном

11.

формализованных натывать спичек в ряд
и пусть горят изображая флаги
так браги бьёт струя тугая
когда её перетомят
течений разных рвут на части
края тупые тело песни
она от холода и зноя
вдоль края трепетного треснет
порывов наших за края размаха
тряпичной откровенности природы
смешны потуги но однако пашем
поля страниц на полупьяном плуге
а ноты неизбывного трагизма
а ноты боли что терзают душу

а боль души изорванная псами
и зассанная сворой проституток
слепая с отекающей походкой
ты в гору лезешь к флагам формализма
они как спички гаснут на ветру
я хлеба корку в руки взял и запах
её так прост понятен постоянен
что я подумал — вечности начало
в моей руке изломанной сарказмом

12.

вновь встаёшь ты и словно машина бездумно бредёшь
на работу
там среди посторонних людей обсуждаешь погоду
сочиняешь бумаги и бьёшься за право
свою увеличить зарплату
этих лиц вереница страшней девяти кругов ада

13.

я плясунья
я пламя любви
вечерами сквозь свет фонарей
мир летит мне навстречу
лети
в эту пропасть распахнутых рук

дай красотка мне руку твою
путы жизни легли как печать
на руки этой бледный нефрит
на измятую ночью кровать

ты приходишь домой и не можешь прервать наважденья
ты отторгнут от музыки словно дитя в миг рожденья
от тепла материнского тела
все дела не доделать...

и окриков хмурых колонна
как толпа демонстрантов готовая ринуться слепо
на столе ароматная четверть обычного чёрного хлеба

ты берёшь её в руки как некогда руки любимой
и губами касаешься клёкота стай голубиных
и глядишь за окно где весна как утопленник бродит
исходя ручейками и всё превращая в болото
там и здесь

14.

на том мосту
над бездной прошлых дней
стоим и наблюдаем молчаливо
как в светлой дали тает сиротливо
последний отблеск солнечных лучей

на том мосту
в вечерней тишине
уставшие от злого отрицанья
мы с трепетом следим как звёзд мерцанье
скользит по вечеряющей воде

1979

* * * *

Как ночь любовников сближает,
так разделяет их рассвет.
Ведь там, за этим светлым краем
их друг для друга больше нет.

Их нет. И суетной юдоли
верша привычные дела
мечтают, в одиночку двое,
чтоб память вновь и вновь лгала.

1980

Из цикла: Орфей и Эвридика

* * *

Что ты! Оглянись...
Я не одна, поверь мне.
Будет жизни ток как сок лозы тугой.
Заблудилась я на полдороге к смерти,
ты меня не жди, далекий и родной.

Как себя избыть,
как выпить эту чашу...
Как тебе помочь?
– Нелепая игра...
По слогам всю жизнь слагала я удачу,
но удачи нет, тебе я не лгала.

* * *

Неужели этот мир не мир, а пропасть.
А цветы, ... а запах сена и малины!
Помоги мне! Задыхаюсь. Помоги мне.
Ты же видишь, я несчастный и невинный.

Ты сильна – ты знаешь сроки и законы.
Не умом, так предсказанием и чувством.

Объясни, зачем как пьяница тянусь я
к этим строкам, предначертанным искусством.

То, чем был, ни мне не стать, и ни другому.
Вышла сила из стихов, куда — не знаю.
Помоги мне. Помоги мне, дорогая,
мы ведь так уже давно с тобой знакомы.

* * *

Что сказать тебе, любимый, что ответить...
Если ветер ветви осенью ломает,
значит отжили отпели эти ветви,
отцвели они росой и цветами.

Если сердце зачерствело словно корка,
если ночи все твои безлунны стали,
значит надо перестать молиться песням,
значит надо перестать болеть стихами.

Но очнись! Возьми моё на память сердце.
Пусть оно тебе нашепчет вечерами
о земле, с трудом распаханной для хлеба,
о весне с её зелёными холмами.

* * *

Ты лгала мне, ты лгала мне...
знаю, знаю — что не лгут лишь замарашки и тупицы.
Ты ж лугами, опьянев от медуницы,
без меня к чему-то доброму шагала.

* * *

Здесь ложь цветёт и курят фимиам.
Слепой ведёт, а зрячие не видят.
Здесь тот чужой, кто рабство ненавидит,
удобное холопам и вора.

Здесь грязь кругом и смрад немывтых тел.
И пьяный бред пустого суесловья.
Здесь правит спесь плебейского сословья,
а мудрый устраняется от дел.

Здесь всё вверх дном, и на вершине дна
сидит маразм раздувшийся как жаба.
Здесь истина и тленна и пьяна,
и ветрена как уличная баба.

* * *

Пусть я мёртв и с мёртвою любовью
подойду к затворенным дверям.
Будет ветер плакать на подворье
и молиться светлым небесам.

Боль пройдёт... Пытаясь улыбнуться,
страж и старец строги у дверей,
сердце робко тянется коснуться
связки тускло блещущих ключей.
Что скажу, любимая! Что вспомню...
Что отвечу? Бедная душа!
Проклял я дарованную вечность
спотыкаясь, мучаясь, греша.

Варианты любви

* * *

*Между столиков
словно голодная кошка
бродит музыка.*

Пока не умер я,
мне ничего не страшно:
ведь для меня поёт души твоей свирель.
Пусть бродит в жилах хмель,
я вновь иду по пашне!
Нам ссуду жизнь дала, сочтёмся с ней, поверь.

Чей ветер в вышине? Чья музыка в графинах,
где терпкого вина расплавленный янтарь...
С улыбкой на губах я подставляю спину
под грубый бич судьбы – пройдёт её январь.

Пока не умер я
и сладкую истому способен пить любви,
пусть подождёт тоска.
Пройдёт любовь, ну что ж!
Беда невелика:
всегда найдётся тот, кого мы не любили.

* * *

Надо сердце приучать к разлукам.
Путь недолог в гору предстоит.
Треснутый валун – судьбы некролог
не плющом, а цепью перевит.

Перевит, закручен, заморочен...
не развить, не сбить, не разрубить.
Где мой скит! Среди каких урочищ
он в тиши и благодати стоит?

Не дойти – хоть близко, хоть далече.
Чьих-то ран касается рука.
И опять выплескиваем вечность,
как вина невыпитый стакан.
Никогда не быть мне в ризе белой.
Полегла душистая трава.
Скит мой – одиночества напевы,
дружбы позабытые слова.

Знаю я, ничто конец не скрасит:
ни свинцовый отблеск над Невой,
ни упавший в воду тополь ясный,
ни улыбка матери родной.

* * *

Хмельная ль, трезвая
ты всё в отраду мне.
Спускаясь в Ад под звуки флейты милой,
так хочется порой отдаться новизне,
дарящей молодость, раскаянье и силу.

Но знание мудрое житейской суеты
заставит оглянуться ненароком...
И вновь растает мир надуманной мечты,
и станет холодно, темно и одиноко.

1981

* * * *

Мы в тихих словах заблудились,
мы тихого счастья полны.
Неслышно в овраг укатилось
блестящее чудо луны.

Что шепчем ночами, что ищем
во сне на тропинках пустых?
Где листья – не листья, а лики,
а скорбные лики судьбы.

Не нам угадать их названья,
их шёпот прочесть по губам.
Неслышный полёт мироздания
понять и измерить не нам.

Нам тихие ласки покоя,
нам шорох и шёпот волны.
Нам слово запретное – двое...
и сказочно страшные сны.

1984

* * * *

Не тем душа моя больна, что больше нет
тебя родная. А тем, что ветер завывая
срывает занавес с окна. А тем, что
полная луна своё сиянье льёт и будит
надежду. Прошлого не будет — как
эта истина смешна.

Как посмеяться мы могли б над всем,
что было неподдельным. Над осенью сырой
в Удельном. Над тем, как ты была пьяна
прогорклым запахом и пылью
дождя. Как счастье было былью,
и мы хмелели без вина.

Как эта истина смешна. И вот смеюсь не уставая,
друзей в лицо не узнавая и забывая имена.
И забывая день и час рожденья своего —
не надо рождаться было. Вот награда
за кубок выпитый до дна.

За ветер рвущий из окна тяжёлый занавес,
за строки, тобой подаренные мне. За всё,
что было не во сне, а в жизни
низкой и высокой.

1984

* * * *

Когда к чужому берегу спеша,
по льду на ощупь мы торим дорогу,
то кажется, ещё совсем немного,
и оживёт уснувшая душа.

И оживут деревья и поля,
и от капли станет воздух чище,
но хрупок лёд весной. Не докричишься,
и не дотянешься. Хоть вот она — земля.

1984

* * * *

Разве нежность ничего не стоит?
— Как трава весенняя нежна;
в дымке утра солнце беззаботно
золотые тронет стремена.

В путь, так в путь... Не будем горькой чаши
пригублять. На свете нет разлук.
Просто ждёт дорога. И летящий
не исчез, а замер лёгкий звук.

Он живёт, он дремлет где-то в сердце:
ведь поёт так дивно тишина
в куполах вселенского собора,
где печаль и нежность и весна.

1985

* * * *

Какая грусть. Ты подойдёшь ко мне.
Какая грусть. Моих коснувшись пальцев,
скользнёшь иглой по светлой ткани в пальцах,
узор несложный повторив вовне.

Узор несложный повторив вовне
и я скольжу в руках судьбы беспечной...
И близятся забвение и вечность.
И ветка клёна грезится в окне.

1985

Цикл: Дуброшкинские мотивы

* * *

Дуброшкино, Дуброшкино – лукошко под окном.
Окошко перекошено, да разве счастье в нём !

Здесь в речке струи чистые звенят по валунам.
Здесь зверобоем парятся в дубовых „сандунах“.

По-чёрному, по-чёрному нагрет чугунный чан,
И в чешуе оранжевой русалочья спина.

Здесь лес такой, заблудишься. Ищи проводника.
Здесь воду освящённую берут из родника.

Чаи, чаи душистые не пьют без горьких трав.
Дуброшкино, Дуброшкино – земли и неба сплав.

* * *

Из красной глины, из свинцовой бязи
холодных облаков, из тишины

рождаются, пока ещё бессвязны,
стихи ночные и дневные сны.

Как высоко шумят твои деревья,
как неподвижны, как белы снега...
Одним дымком согретая деревня,
плывущая ко мне издалека.

В твоих лесах, как эхо бродит вечность.
В них слышен храп испуганных коней;
ливонское и польское наречья,
предсмертный крик, и лязг, и звон мечей.

Но тихо спят заросшие курганы.
На кладбище просторно и светло...
И ни одна не искажает рана
твое незамутнённое чело.

* * *

На озере, плывущем средь болот,
как облако сошедшее на землю,
стоим, вечерних птиц звучанью внемля,
течению летейских плавных вод.

Скамейки нет. Зато лежит бревно
на берегу над омутом глубоким,
и листья клёнов, соблюдая сроки,
ткуют на воде цветистое панно.

Мы говорим... но как же далеки
от суеты, сумятицы и тлена
слова беседы нашей. Перемена
коснулась нас и леденит виски.

Нас занимает вечность. Что ж, пора!
Темнеет. Впереди у нас дорога.
Последний взгляд на озеро... Немного
грустим. И беспокоит мошкара.

* * *

На семи корнях заговорена.
В зелено стекло укупорена.
Первой стопочкой — Да во здравие!
Как велит душе православие.

Если пить её, да грибочки есть,
будешь сыт и пьян, не теряя честь.
Будешь песни петь, на луну глазеть,
будешь правду знать не с листа газет.
А пойдёшь домой с милой под руку...
то бугор, то пень... А то под гору
как покатишься. Ой, ты батюшка!
Бочкой полою загудит башка.

На семи ветрах заговорена,
за простым столом откупорена...
За гостей, за дом — без остатка пьём.
А красавицам полну жизнь нальём.

* * *

Быть Вашей куклой. Оживать частями,
почувствовав то руку, то зрачок.
И перечёркивать написанное за ночь,
не умершее тёплое ещё.

И понимать, как бесконечно гулки
пустынные воронки поездов, когда
пытаясь выиграть очко, маячишь в них
как в тёмном переулке.

И просыпаться... И смотреть в окно
заснеженное. Вот она – Природа!
Ведро воды, стоящее у входа,
покрыл тончайшей корочкой ледок.

...И разжигать в большой печи огонь.
И парить на огне тугую кашу.
И всё чем только Божий мир украшен
собрать в твою раскрытую ладонь.

1986

* * * *

Нам Русь дарована как воздух
и без неё — дыханья нет.
Прозрачен ледяной рассвет
над этой ширью первородной.
Над этой тёмною страной
с её дремучей тишиной,
с седым еловым редколесьем,
с дорогой от которой треснет
любая ось... С натугой той,
которая сливаясь с песней
была и будет нам — Судьбой.

1987

* * * *

Сказал Господь – Да будет Слово!
И слово сделалось судьбой.
Его карали и, порой, казнили, как казнят живого.

Но прорастал из слова смысл
руки, протянутой другому,
пути, что вёл тебя из дома
в чужую трепетную жизнь.

Объединяя и деля, призвав и правых и неправых,
нас в слове истина сама
с бессмертием равняет в праве.

1987

Цикл: Ностальгия по гармонии

* * *

Не назван обманом обман этих белых ночей,
но пусто... и навзничь, и навзничь
до завтра. И пододеяльник — наш занавес цвета зари,
откинут, и стиснуты губы твои,
но стону они не охрана.

Вот так бы и плыть на распахнутой звёздам ладье,
но над головою бетонные своды теснятся,
и сальные звёзды на стенах затёртых лоснятся,
и глохнут в туманах, и тонут в стоячей воде.

И заспанных лиц нереальна оплывшая рябь,
и воздух со свистом выходит сквозь ноздри из лёгких,
и не отрекаясь от прежних отчаяний горьких,
твердим упоённо: Хозяину надобен раб!

О троеединство распяты, верёвки, костра...
Ночных пересудов так искренна злая предвзятость.
И что из того, что душа исповедует святость!
Не выждать. Не выжить. Не выжечь себя до утра.

* * *

Мы живём в одиночестве
вставленных рам, но за раму выходит
раскрашенный холст, остающийся частью тебя и меня,
и прошедшую жизнь, чей липок нарост.
Метастазы украшенных ярмаркой дней,
этих звонких бубенчиков *Трили-та-та*,
... лица, лица оплавленных полу-
людей. Нищета, нагота, маета.
И качаясь по ветру на ржавой цепи,
безразличьем охвачен отмеренный срок...
Солнце встало. Скрипят, разминаясь, часы,
и не выучен к сроку урок.
Мы живём в одиночестве
криков – Ура!!! Мы не слышим сомнений растущей
травы. Отражаясь в звенящей ночи топора,
одиночество с нами на Вы.

* * *

Символизм злокачественных опухолей.
Экзистенциализм онанизма.
Сюрреализм соцреализма.

На берегу.
Если вдуматься, там мы обычные гости,
Пушкин шагал и рукою махал. О-го-го!!!
Нынче мазута граница и белые кости китов.
Микроорганика стока больших городов.
Палец подъятый трубы. Паруса белая лопасть.

Микроорганика мыслей, поступков, судьбы.
На берегу, расчленяющем «будет» и «было».
Волны ли, боги – тревожат усталое било...
Некому лобное место украсить. Мёртвый сезон.

1987

* * * *

Сквозь тишину зеркал, сквозь путаницу дней
позволь мне пронести твой образ неизменным.
Пусть будет всё вокруг и временным и тленным,
тебя, тебя одну – позволь душе спасти.

Ведь я любил тебя. И может быть на дне,
где мучиться душе отпущено богами,
в безмолвии ночном ты спустишься ко мне
и лоб мой освежишь холодными руками.

И в этот миг во мгле, за тления чертой,
где даже Дантов ад покажется Эдемом,
благословлю я мир, где был любим тобой,
и где любовь была – тоской, тюрьмой и гневом.

1988

* * * *

„Уродство выше красоты, потому что оно долговечно“.

Серж Гинзбург

Непогода. Прощанье. Прощенье...
Задан ритм на века, навсегда.
В каждой трещине, впадине, щели
пузырится святая вода. И от святости
пусто и сиро на душе, надышавшейся зла.
Веет в воздухе миртом и миро
нерасплёсканным тьма донесла.
Всё обман! Ни прощанья, ни встречи —
свет звезды, словно пуговики блеск...
Разминая пониклые плечи
вторит ветру не веруя лес.
Так и я повторяю молитвы —
хоть бы звук, хоть бы символ понять!
И не ведая скорби принять
бесконечную временность
мира.

1991

* * * *

Кому, когда, в какие дали
своё распахать окно?..
Сухие ветви перестали
боль стужи чувствовать давно.

Они мертвы, но новой жизни
им предначертана судьба —
и вспыхнет страсть во тьме камина,
и будет ставка высока.

И будет вечность у порога
нас заклинать — Не уходи!
И будет сладкая тревога
шептать — Всё сбудется.

Иди!!!

1997

* * * *

Ты найдёшь нас в стозвучье мелодий.
Бог вложил их в уста изначально.
Посвист ветра над кромкою моря,
резкий крик растревоженных чаек...

Это калька души. У заката
отними синтез пыли и влаги,
и останется небо пустое –
лист не тронутой сердцем бумаги.

1998

* * * *

Я погружён в твои святые воды
мой Иордан! Но где же благодать?!
Кому мне эту душу передать,
любимое дитя квазисвободы.

Неверие и вера так близки,
как будто в русском поле колоски,
их ветер клонит – вот десница Бога!

Но крови ток толчками в глубь
проник – так из земли бьёт вечности родник,
и мы вкушаем этих недр воду.

Поверишь ли? Я проклял ту свободу,
которой раньше осенял себя.
И скорбь Земли я принял не вина
и стал травой без имени и роду.

2000

* * * *

Там где сны смыкаются с весной,
Талых вод касается рука
И от этой песни ледяной
Серебром подёрнулся закат.

Соловьи безудержно поют
Им в полночи распахнула тьма
Нотную тетрадь бессчётных звёзд
Что живут с заката до утра.

Их утрата утру не в упрёк
Вновь и вновь мы любим и поём
Ледяную воду родников
На ладони сомкнутые льём.

2001

* * * *

Ночная бабочка заката
сомкнёт узорное крыло,
и все что ум от сердца прятал
раскрутит сна веретено...

Так ветрено в пространстве этом,
так неуверенно легки слова,
как милые шаги по блеску
тусклому паркета.

Век двадцать первый настаёт
диктуя песням свой полёт,
но не всемогущ он над нами.

В узоре тонком на окне,
в скользнувшей тени на стене,
в сонета вычурном бокале.

2001

* * * *

В том пространстве, где Я растворяется в Ты,
где язык прорастает из ткани веков,
обращенья не требуй. В пригоршне воды
свет и тень сочтаются крепче оков.

В том пространстве, где звёзды свой призрачный свет
дарят каждой травинке, ручью... ветерку...
Где рожденье и смерть подписали обет
приоткрытый душе, но неясный уму.

Мы с тобой образуем незримую ткань
полуправды и правды, догадок и снов,
заклячая всё это в кристалл языка,
понимая друг друга без жестов, без слов.

2002

* * * *

Тишина. Тишина. Тишина...
В мокрый сумрак уходит дорога,
сон надорван тобою немного,
и прошедшего строчка видна.

В ней душистого лета жара,
перезвон комаров у колодца,
красный край заходящего солнца
и качнувшийся абрис ведра.

А за окнами снег и метель,
сон ли, был... нас кружит и морочит,
в бесконечной рождественской
ночи,
что несбывшихся судеб полна.

2003

* * * *

Страсти не было в сердце моём,
но она как гроза вдалеке.
И меняется линий узор
на твоей недоступной руке.

Всполох в небе и еле слышны
громовые раскаты с небес,
или это вздохнул глубоко,
потревоженный всполохом лес.

Всё минует. Прольётся дождём.
Бурелом зарастёт, и опять
будет солнечный зайчик играть
с потерявшим опору листом.

2004

* * * * *

Когда настанет миг разлуки,
и будем подводить черту,
хочу, чтоб рук касались руки,
как мост, влекущий в пустоту.

На том мосту не раз стояли
с тревогой вглядываясь вниз.
И сердце на краю печали
шептало мне: Не закружись...

Не закружись листом осенним,
не припадай лицом к земле...
Её холодною купелью
ещё надышишься вполне.

Ещё душа не отыскала
Того, кто скорбь твою простит,
и свет слепящий превратит
в небесный свод —
начал начало.

2006

* * * *

Любовь прикасается к нам,
ослеплённым надеждой. И яркие
краски не могут быть ярче отныне.
Любовь – это то, что на цыпочках входит
к нам в сердце. И сердце не слышит
ни звука в неистовом мире.

Пусть время пройдёт. Нас настигнет
седая усталость. В том мире, который
так рано придётся покинуть,
любовь – как свеча, только тень
от надежды осталась. И яркие краски
не могут быть ярче отныне.

2006

* * * * *

Протяжённость любви не имеет границ.
Так проходят века над заснувшей страной.
Здесь восход и закат как два брата лежат
у последней черты. У последней черты.

От холодных ладоней не веет теплом.
Пересуды колёс, полустанки судьбы...
У последней черты остановят вагон.
— В этом месте тебе выходить. Выходи!

Для чего нам слова, если молча текут
полноводные реки сквозь талые сны...
Если камни веками безмолвно лежат
под застиранной синью простынь.

Ни прощанья, ни встречи. Мгновенна любовь
и бессильны слова. Не для сердца они!
Если б можно — как звёздам сгорать до утра...
До утраты друг друга. До слова — Прости.

2006

* * * *

Мне сегодня хочется писать.
Строк неровных дорого звучанье.
На губах моих свежа печать
страсти, неизбежности, желанья.

На твоих губах рябины сок.
Горек он, но не бывает слаще.
Пригубить бы хоть один глоток,
запил бы загульный и пропащий.

Да, поэтам не впервой судьба
дарит искушение любовью.
Только та рябина отцвела,
уронивши гроздь у изголовья.

2008

* * * * *

Когда взлетают журавли,
так странно ощутить тревогу,
найдут ли торную дорогу,
там... за пределами земли.

Там, где кончается покос,
где тень от леса стала гуще.
Там, где их крик на грани слёз
быть эхом гаснувшим отпущен.

Отпущен. Значит быть тому,
что нас лишает равновесья.
В губах молитва или песня,
и взмах крыла...
туда... во тьму...

2008

* * * *

Есть мистика случайных встреч,
в неё ты можешь и не верить...
Но в омут обнажённых плеч
так просто нехотя увлечь,
что б красоту свою проверить.

Так парк, пронизанный зарёй,
зовёт на мокрые дорожки,
и ты, не сдерживая дрожи,
цветов касаешься рукой.

В аллеях тех не повстречать
тебя мой ангел златовласый.
Лишь эхо вторит безучастно
романса звукам...над Невой.

2008

* * * *

Всё выстыло вокруг.
Уж не трепещут листья
и графика ветвей
 пронзительно тонка.
В шарф кутается грудь.
Найти порыв попутный
пытаемся. Но дрожь
нырнёт змей в рукав.

Так жизнь на склоне лет
обманывает часто. Томят
былые сны. Им чудится весна.
А ты стоишь в платке
у тёмного окна. И пусто на душе,
и в небе тёмном пусто...

2009

* * * *

Над миром ночь от дольных звёзд светла.
Мороз с подхрустцем бродит на дворе.
Я, как паук, разбросил удила
и жду живого отклика извне.

Но ни одна из нитей не дрожит.
Никто не вспомнит в эту ночь меня.
И только звёзд холодные огни
в моих глазах бесчисленных горят.

2010

Цикл: Вечернее

* * *

Жизнь прожита... Что значит это?
Под чем подведена черта?
Что там, за гранью... Пустота,
иль сердца яркая комета,
покинув грудь, пылает где-то,
как полуночная звезда?

Покинув грудь... Но вот же,
бьётся на грани сна и бытия
мысль беспокойная моя, и боль её
с душой сольётся, и в чреве ночи обернётся
зарюю новой, без меня.

* * *

Мне кажется, я знаю что сказать,
но пустота заполнила тетрадь.
Так ночь переполняет небосвод,
когда заря вечерняя умрёт.
Известно всем – всё сказанное,
ложь. Но темноту пронзает света нож,
и звёздный путь для сердца всё ясней,
как детская улыбка в полусне.

* * *

Из первородной тишины пространства
мы черпаем и образы и строки...
Поверишь ли, наш диалог опасен,
как этот мир холодный и жестокий.

Но в том загадка смерти и рожденья,
что поменять местами их не в силах,
способны мы мечтою смерть украсить,
а жизнь наполнить скорбью и бессильем.

2012

* * * * *

На тёмной реснице ночи
покачиваюсь слезой.
Так манит полёт,
но страшен
прервавший его покой.

Мгновенно полёта счастье,
вновь сон прорастает в явь.
Подушка в солёных каплях
и звёзды блестят в ветвях.

2013

* * * *

Как проникает в сердце Бог
не знаем мы. Но час настанет
и, вот он – огненный порог,
где биться сердце перестанет.

Там, на безжизненном краю,
где тишина плывёт сверкая,
молитву первую свою
к Тебе без страха обращаю.

И Ты не станешь упрекать
за страсть, за сердца злую муку...
И снимешь с верою разлуку
с души, как ложную печать.

2013

* * * *

Мой Русский Мирь,
ты – не Москва,
не Кремль с державой золотою.
Три слова сжаты навсегда
объятъем обруча тугого.

Три слова.
Как их объяснить
тому, кому твои просторы
лишь бездорожия укоры,
да страшных лет немая нить.

Под этим небом без краёв,
сквозь дикий сумрак бурелома
лежит моя дорога к дому,
где сердцу биться
и любить.

2015

* * * *

Пустота наполняет глаза.
Слов и тех не найти для прощанья.
Мы уходим вдоль песен скользя,
словно пальцы в аккорде гитарном.

Этих слов, непонятных теперь,
так терпка, так прекрасна отравя.
Я грущу о прошедшем. Поверь,
мне другого похмелья не надо.

Мы чужие пришедшему. В ночь
так уходит багрянец заката.
И не в силах друг другу помочь,
не отводим ни сердца ни взгляда.

2015

* * * *

Как неосознанное время
стекает капелькой с пера,
как заплетается вчера
за прядь седую возле темя.

Так миг определяет путь,
и нам уже не отвернуть...
и циферблат звенит как стремя.

Но подчиняясь суете,
не замечаем знаки те,
своей судьбе на грош не веря.

2016

* * * *

Незачем,
 не надо,
 не пиши...
За душой уставшей
 не спеши.
Не поспеть за грустью
 и тревогой.

Было ль счастье?
 Было и прошло.
Временем как снегом замело
прошлые непрожитые годы.

2016

* * * *

Когда отпустит спину боль,
и кот приляжет на колени,
ценя покой седых мгновений,
душе расслабиться позволь.

Забудь о правде и судьбе,
погладь кота и вспомни море,
когда оно с собой не споря,
ребёнком возится в песке.

2016

* * * *

Я во сне целовал твои плечи,
ты безмолвно глядела в окно.
Знали мы – там за окнами – вечность.
Только нам всё равно, всё равно.

Как нелеп этот сговор минувших,
мимолётен как дымка в полях.
У иконы затеплятся свечи
и отступит нахлынувший мрак.

Обернись! Я такой же как прежде,
только в сердце вошла тишина.
...Кот потёрся об щёку и сразу
прервалось воплощение сна.

2017

* * * *

Мой голос глух. На то мы и Россия,
чтоб видеть сны несбывшихся надежд.
Как прежде, впереди у нас
Мессия! Но всё вокруг пропитывает грех.

Там впереди. А разве нам известен
наш путь из ниоткуда в никуда...
Горит, горит волшебная звезда,
и высоко Рождественское небо.

2017

* * * *

Властна осень над жизнью растений.
Золотистая охра и прах...
Вновь холодный пронзительный ветер
беспрепятственно бродит в полях.

Русь моя – перелётная птица –
ты из века кочуешь в века...
С этим ветром шальным породнившись,
держишь сердце в холодных руках.

2018

* * * *

Закружило завьюжило засветло,
заровняло сквозные поля.
Что ты пишешь позёмкою набело,
бесшабашная наша земля?

Как понять, как проникнуть сквозь изморозь
на ресницах поникших ветвей...
То ли песню поёшь, то ли исповедь
о судьбе белоснежной своей.

2018

* * * *

Ночь глядит неотрывно в окно.
На душе и на сердце темно.
Там в ночи ярко светит звезда.
Я увидеть её опоздал.

Опоздал на свиданье с тобой,
предпочтя всем свиданьям покой.
Опоздал на свиданье с Судьбой
по повестке её огневой.

2018

* * * *

Прозрачной тишины
тень яблони осенней,
когда плоды висят
на черенках веселья
и в руку падают
волнующе круглы.

Так и слова созрев
в сердца упасть должны,
впитав неровный ритм
пустот и полноты
и тяжесть светлую
творенья.

2018

* * * *

Мне казалось, что строки иссякли,
как в полночном бокале вино.
Но стекают янтарные капли
по бумаге на звонкое дно.

И узорчатый отблеск огранки,
отражая бездонность небес,
в мире слов не прижившийся странник,
брызнул светом, мелькнул и исчез.

2018

* * * * *

Мы два птенца
в капкане времени.
Не вырваться, не улететь.
И понимаем мы растерянно,
как близко подступает смерть.

Как близко...
 как звенит безжалостно
немыслимая пустота.
Там, где не будет в небе жаворонка,
а под рукой твоей холста.

2018

* * * *

Там, где ветер качает деревья,
притаилась осенняя мгла.
Память тихо свернулась в передней,
обережные шепчет слова.

Как сберечь это хрупкое счастье —
у камина сидеть и молчать...
А за окнами дождь и ненастье,
и ни зги, ни судьбы не видать.

2018

* * * *

Из тишины задумчивой болота
выходит полноокая луна. Она
сквозь дымку снега чуть видна,
но душу трогает
своей тоской высокой.

И голых веток тонкое письмо
к бумаге рисовой ночной приложит ветер,
и сон пророческий
судьбы узор наметив,
коснётся нас как лёгкое крыло...

2019

* * * *

Душа моя прочла последний стих
с тех досок, что чернее ночи тёмной.

А в небе отражается огромном
свет дальних звёзд, глядящих сверху вниз,
свет глаз твоих и вечных и святых,
которые из тьмы меня выводят.

Душа моя прочла последний стих,
тобой и мной написанный сегодня.

2019

* * * *

Осень... Дожди... У калины
кровью сочится листва.
Комья размокшие глины...
Серые клочья, как буйволов спины
по небу. Как ты права.

Как ты права, дорогая,
скудную землю любя.
Кроме того, что все видят и знают,
родина в нас без любви умирает,
и возвратиться нельзя.

2019

* * * *

Просторен мир в осенней
тишине. Сквозь морок листьев
проступает небо. Сплетаются
действительность и небыль
и дождь, в едва проснувшемся
окне.

2019

Содержание

«Цветы одиночества...»	12
«Белый конь как церковный звон...»	13
«Я фиалки последние собираю с трудом...»	14
«Любимая!..»	15
«Я ждал на ветру...»	17
«Монотонный шум дождя...»	19
«Старый дом...»	20
«Всё кресты у дорог...»	22
«Такой смешной осенний день...»	24
«Сидит сгорбленный человек...»	25
«Жизни-смерти череда...»	26

Цикл: Осень хочет вина

«Зайди в подворотню...»	27
«Открой глаза и посмотри на мир...»	27
«По сырым переулкам...»	29
«Листья последние замерзают...»	29
«Страшных снов я не вижу...»	30
«Я с последним дождём пропаду...»	31
«Когда молитвой или ложью...»	31
«Что можно сказать когда как прилив...»	32
«Объём бегущих в неизвестность вагонов...»	33
«Осеннего солнца птица...»	34
«Я шепчу твоё имя...»	35
«Я – опадающий лист твой...»	36
«Время ах ты – хромая старуха!..»	37
«Прошу прощенья я не виноват...»	38
«Если звёзды стали сталью...»	39
«И понял я что значит быть святой...»	40
«Ах! В этих палатах только плакать...»	41

«Пойте им тихо...»	43
«Когда сквозь пустоту пробился первый звук...»	44
«Движенье пальцев, линий ритм переплелись...»	45

Цикл: На графику Малевича

«Окно! Куда...»	46
«О если б солнце почернело...»	46
«Так трещины родятся и бегут...»	47
«Пластичен дождь, как юноша в трико...»	48
«Прости меня, прости...»	48
«Остановись и оглянись назад...»	49
«Ты боялся к цветам прикоснуться...»	49
«Я в мире – песчинка, гонимая ветром...»	50
«Скользи и падай, меч возмездья...»	51

«Там за окнами дождь...»	52
------------------------------------	----

Триптих: Разноголосье

«Спускайся по лестнице...»	53
«Пласт за пластом, врубаясь в этот уголь...»	54
«Этой ночи узлы развязать не умея...»	55

Цикл: Орфей

«Орфей ты спустился на синие травы...»	56
Орфические песни	58

«Как ночь любовников сближает...»	67
---	----

Из цикла: Орфей и Эвридика

«Что ты! Оглянись...»	68
«Неужели этот мир не мир, а пропасть...»	68
«Что сказать тебе, любимый, что ответить...»	69
«Ты лгала мне, ты лгала мне...»	69
В царстве теней	70

«Здесь ложь цветёт и курят фимиам...»	71
«Пусть я мёртв и с мёртвою любовью...»	71
Исход	72
«Были колдуньи, костры и мадонны...»	72

Варианты любви	74
«Мы в тихих словах заблудились...»	77
«Не тем душа моя больна...»	78
«Когда к чужому берегу спеша...»	79
«Разве нежность ничего не стоит?»	80
«Какая грусть...»	81

Цикл: Дуброшкинские мотивы

«Дуброшкино, Дуброшкино — лукошко под окном...»	82
«Из красной глины, из свинцовой бязи...»	82
«На озере, плывущем средь болот...»	83
«На семи корнях заговорена...»	84
«Быть Вашей куклой...»	85
«Нам Русь дарована как воздух...»	86
«Сказал Господь — Да будет Слово!»	87

Цикл: Ностальгия по гармонии

«Не назван обманом обман этих белых ночей...»	88
«Мы живём в одиночестве...»	89
«Символизм злокачественных опухолей...»	90
«Сквозь тишину зеркал, сквозь путаницу дней...»	91
«Непогода. Прощанье. Прощенье...»	92
«Кому, когда, в какие дали...»	93
«Ты найдёшь нас в стозвучье мелодий...»	94
«Я погружён в твои святые воды...»	95
«Там где сны смыкаются с весной...»	96
«Ночная бабочка заката...»	97
«В том пространстве, где Я растворяется в Ты...»	98
«Тишина. Тишина. Тишина...»	99

«Страсти не было в сердце моём...»	100
«Когда настанет миг разлуки...»	101
«Любовь прикасается к нам...»	102
«Протяжённость любви не имеет границ...»	103
«Мне сегодня хочется писать...»	104
«Когда взлетают журавли...»	105
«Есть мистика случайных встреч...»	106
«Всё выстыло вокруг...»	107
«Над миром ночь от дольных звёзд светла...»	108

Цикл: Вечернее

«Жизнь прожита... Что значит это?»	109
«Мне кажется, я знаю что сказать...»	110
«Из первородной тишины пространства...»	110
«На тёмной реснице ночи...»	111
«Как проникает в сердце Бог...»	112
«Мой Русский Мирь...»	113
«Пустота наполняет глаза...»	114
«Как неосознанное время...»	115
«Незачем, не надо, не пиши...»	116
«Когда отпустит спину боль...»	117
«Я во сне целовал твои плечи...»	118
«Мой голос глух. На то мы и Россия...»	119
«Властна осень над жизнью растений...»	120
«Закружило завьюжило засветло...»	121
«Ночь глядит неотрывно в окно...»	122
«Прозрачной тишины...»	123
«Мне казалось, что строки иссякли...»	124
«Мы два птенца...»	125
«Там, где ветер качает деревья...»	126
«Из тишины задумчивой болота...»	127
«Душа моя прочла последний стих...»	128
«Осень... Дожди... У калины...»	129
«Просторен мир в осенней тишине...»	130

Ивашинцов Дмитрий Александрович

ЦВЕТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Поэтический сборник

Редактор: Т. И. Ковалькова

Дизайн: Д. Д. Ивашинцов

Оригинал-макет: Н. Л. Балицкая

Корректор: Е. В. Величкина

Издательство «Росток»

Санкт-Петербург, 11-я линия В. О., д. 58, оф. 56

Тел. / факс: (812) 323-54-70

E-mail: rostokbooks@yandex.ru

Подписано в печать

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 7,9.

Печать офсетная.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,

предоставленного издательством,

Типография «Арт-Экспресс».

Санкт-Петербург, ул. Уральская, 17, корп. 4

<https://art-xpress.ru/>